

Вход в кинотеатр «Буревес». ГМТ 200.

A. Мушта

Наш город в биографии Врубеля

Ранние годы жизни великого русского художника Михаила Александровича Врубеля прошли в Саратове...

Некоторые читатели скептически улыбнутся: ведь куда только не забрасывала судьба семью Врубеля — в Омск и Астрахань, Петербург и Одессу. И всякий раз не надолго, на два-три года, а потом новое назначение по службе отца художника и — новый переезд.

Стоит ли говорить о тех годах, что пролетели в нашем городе? Тем более что до Саратова был сияющий тысячами огней Петербург, город необыкновенной красоты, воспетый художниками и поэтами, город, где Александр Михайлович Врубель привел своего восьмилетнего сына в рисовальную школу Общества поощрения художеств. В ней юный живописец успел пройти «классы оригиналов». В конце 1864 года последовало новое назначение отца — на этот раз в Саратов.

Два с половиной года суждено было прожить Врубелям в нашем городе. В Государственном архиве Саратовской области хранятся отдельные документы Саратовского внутреннего гарнизонного батальона. Из них мы узнаем, что 15 января 1865 года майор Врубель приступил к командованию батальоном, в следующем месяце ему было присвоено звание подполковника.

Военная служба в Саратове, по-видимому, мало радовала А. М. Врубеля. Бесконечные «батальонные смотры в Саратове», — вспоминал потом художник в одном из писем сестре, — отправляли папаше всю прелест летних каникул». Казармы губернского батальона размещались в то время в трех огромных каменных корпусах, выходивших главными фасадами на Московскую площадь. (Здания сохранились, их современный адрес:

улица Университетская, 59.) В главном корпусе А. М. Врубелю была отведена большая квартира, в которой семья жила до отъезда из Саратова.

Последний саратовский приказ был подписан А. М. Врубелем 15 апреля 1867 года. Из других источников известно, что в мае этого года он стал слушателем Военно-юридической академии в Петербурге. Военная служба и связанные с ней постоянные переезды из одного города в другой закончились для отца художника только в Казани в 1889 году, когда он, уже в чине генерал-лейтенанта и в должности командующего военно-окружным судом, по болезни вышел в отставку.

Еще в пору своего пребывания в Астрахани А. М. Врубель женился на Елизавете Христиановне Бессель, которая постаралась стать второй матерью его детям: Анне, Екатерине, Михаилу и Александру (мать художника Анна Григорьевна Врубель, урожденная Басаргина, умерла, когда ему не исполнилось и трех лет). Анна Александровна Врубель вспоминала впоследствии: «Мачеха оказалась серьезной пианисткой, брат бывал прикован к роялю, слушая вдумчиво ее музыку».

Саратовские газеты свидетельствуют: в нашем городе Е. Х. Врубель участвовала в любительских концертах и литературно-музыкальных вечерах, которые с благотворительной целью устраивались в Городском театре (ныне театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского). Из программы концерта, состоявшегося 12 марта 1867 года, мы узнаем, что в сопровождении оркестра Е. Х. Врубель исполнила «Бравура галоп» известного чешского пианиста и композитора Юлиуса Шульгофа, виртуозную игру и интересную музыку которого высоко ценил Ф. Шопен. Несомненно, юный Врубель слышал это произведение, как и другое: увертюру из широко известной в то время оперы Ф. Флотова «Александр Стаделла», которую в восемь рук исполнили его тетушка Ольга Михайловна Врубель, Наталия Никаноровна Пасхалова, известная впоследствии пианистка, и еще две любительницы музыки. Концерт этот состоялся 15 марта 1867 года в зале Коммерческого клуба (ныне Саратовский гарнизонный Дом офицеров).

Как вспоминал художник, «в детстве его часто водили в театр», и «непременно на романтические пьесы». По-видимому, в обоих саратовских театрах: Городском и летнем в саду «Шехтель» (в настоящее время на этом месте стоит театр имени К. Маркса) — Врубель побывал не один раз. Однако знакомство с театром, музыкой в кругу семьи, чтение книг, оставшихся от библиотеки деда, и журнала «Художественное обозрение», домашние инсценировки и шумные детские игры в «литератур-

ных героев» — этим духовное развитие Брубеля не ограничивалось. На новом месте Александр Михайлович позаботился о развитии художественного дарования сына, а также о подготовке его к поступлению в гимназию.

В краткой автобиографии, написанной в 1901 году, художник скромно упоминает о годах, проведенных в нашем городе: «...довольно непрерывно занятия рисованием продолжались в Саратове с учителем рисования». Его старшая сестра А. А. Брубель уточнила впоследствии: «В следующем году (т. е. в 1865-м.—А. М.) к брату был приглашен преподаватель рисования местной гимназии, некий Годин, познакомивший брата с элементами техники рисования с натуры».

«Некий Годин...». И сегодня в обстоятельно прокомментированных воспоминаниях о художнике мы не найдем ни инициалов этого человека, ни сведений о нем. А был ли вообще в Саратове такой человек. И если был — стоит ли о нем вспоминать?

Между тем Андрей Сергеевич Годин (1815—?) слыл в Саратове очень известной личностью. С 1840 по 1873 год он преподавал в Саратовской мужской гимназии, имел награды «за беспорочную службу» и чин коллежского секретаря. Вот так вспоминает о нем в своей автобиографической повести М. А. Воронов: «...учитель чистописания, черчения и рисования вместе, какой-то вольный, следовательно не нуждавшийся в образовании художник, вбивал линейкой из красного дерева общие понятия об архитектуре вообще и о капителях, базисах, колоннах, карнизах и фризах в особенности. Директор недаром предупреждал меня, что он строг: действительно, удары сыпались то и дело без всякого разбора по рукам, спине, плечам, голове и проч.».

Неужели этот не имевший никакого отношения к искусству «изверг» больше двух лет был наставником хрупкого и впечатлительного Брубеля, причем с согласия трогательно его любившего отца, «человека добродушного и хорошо образованного»?! По-видимому, писатель М. А. Воронов несколько сгущил краски. Так, «не нуждавшийся в образовании художник» на самом деле имел приличную профессиональную школу. Выходец из саратовских мещан, А. С. Годин в 1839 году окончил Петербургскую Академию художеств, где ему «было дано звание свободного художника живописи портретной». По воспоминаниям его учеников, это был вспыльчивый, но незлобивый человек, который оставил по себе добрую память.

Годин считался хорошим рисовальщиком и акварелистом, давал много частных уроков, и многие у него учились с большой охотой. В их числе — известный саратовский археолог

А. Н. Минх. Старожилы вспоминали про Година, что «дома он рисовал портреты масляными красками» и даже «зарабатывал большие деньги». Еще в начале нашего века во многих саратовских домах висели эти портреты. Хорошо был известен писаний Годиным «портрет Петра Сидоровича Подъяпольского, в полку которого служила девица-кавалерист Дурова». К сожалению, дальнейшая судьба портретов неизвестна.

Сегодня отсчет художественной жизни Саратова принято начинать с момента открытия Радищевского музея (1885) или со времени приезда в наш город художников Коновалова (1882) и Баракки (1873) — учителей В. Э. Борисова-Мусатова. При этом оказались незаслуженно забытыми выпускники Академии художеств, которые задолго до этих знаменательных дат жили и работали в нашем городе. Среди них — прекрасный пейзажист Дмитрий Николаевич Россов, чья панорама вечернего Саратова (1865) долгие годы украшала занавес Городского театра, и уже известный нам портретист, учитель Врубеля, Андрей Сергеевич Годин, работавший в Саратове с 1840 года.

Два года учебы у Година, думается, много дали юному Врубелю. Потом в его художнической биографии была пауза в полтора десятилетия. В гимназии Миша увлекался естествознанием и историей, «рисованием занимается в эти школьные годы урывками, в часы досуга». После окончания с золотой медалью Ришельевской гимназии в Одессе Врубель прошел курс юридического факультета Петербургского университета, «совершенно отвлекший» его «от занятий искусством». Таким образом, учеба у Андрея Сергеевича Година как бы завершила первый трехлетний этап художественного образования Врубеля. Следующий начался лишь в 1881 году, когда он, тогда уже прекрасно рисовавший двадцатипятилетний выпускник университета, стал студентом Академии художеств.

Наверное, мы никогда до конца не узнаем, почему так круто и надолго изменились интересы юного Врубеля, но, думается, здесь не последнюю роль сыграл его домашний учитель, сумевший пробудить у мальчика любовь к наукам, заразить его жаждой познания окружающего мира. Судьба свела юного Врубеля с человеком незаурядных способностей и передовых взглядов, обладавшим чертами «новых людей» Чернышевского.

Одновременно с учебой у Година, вспоминала А. А. Врубель, «брать начал более или менее серьезные занятия предметами гимназического курса под руководством широко понимающего свое дело преподавателя, некоего Н. А. Пескова, который помимо учебников доставлял еще нередко интересные наглядные пособия к преподаваемым предметам и уделял время для эк-

скурский в холмистые окрестности города (причем результатом являлись, между прочим, такие геологические находки, как зубы акулы)».

Николай Александрович Песков (1838—1900) происходил из дворян Саратовской губернии. В 1859 году, по окончании Саратовской гимназии, поступил на математический факультет Казанского университета. Здесь он активно участвовал в студенческих сходках, а осенью 1861 года — в знаменитой Куртиинской панихиде, антиправительственной демонстрации казанских студентов, возмущенных зверской расправой над крестьянами села Бездна Казанской губернии. В числе девяти других инициаторов панихиды студент Песков удостоился «высочайшей немилости»: он был исключен из университета без права продолжения обучения в нем и выслан на родину, в Саратов, под надзор полиции. Только через три года Н. А. Пескову было дозволено поступить в Дерптский (Тартуский) университет, однако тяжелейшее материальное положение вынудило его остаться в Саратове.

В городе было хорошо известно об участии талантливых братьев Александра (позже профессионального актера) и Николая Песковых в любительских вечерах и концертах. Потом саратовцы узнают, что Н. А. Песков «находился в близких отношениях с лицами, привлеченными в декабре 1869 года по делу о покушении на государя». Современные исследователи установили, что Николай Александрович Песков является автором музыки к песне «Смело, друзья! Не теряйте...», которой суждено было стать одним из первых боевых гимнов русской революции.

Бывшие студенты, люди революционно настроенные, образованные, талантливые, за участие в антиправительственных выступлениях в начале 1860-х годов «во множестве» высылались в Саратов. По свидетельству современницы, «они очень часто попадали в учителя и были драгоценными учителями». Таким учителем стал для Врубеля наш земляк Н. А. Песков. Надо отдать должное отцу художника, не побоявшемуся доверить обучение своего сына «поднадзорному Пескову», который, как писалось в одном из доносов, «смело и пагубно» воздействовал «на нравственность молодого поколения». «Право первоначального обучения детей в частных домах» Н. А. Песков получил лишь незадолго до отъезда Врубелей из Саратова.

Заканчивая характеристику дошкольных лет жизни брата, совпадающих с пребыванием семьи художника в нашем городе, Анна Александровна Врубель в своих воспоминаниях приводит следующий любопытный эпизод: «В Саратов была привезена

однажды, по всей вероятности, для католической церкви, копия с фрески Микеланджело «Страшный суд». Отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр ее и, возвратясь, воспроизвел ее во всех характерных подробностях». Воспоминания сестры художника были написаны полвека спустя после этого интересного события, и в них вкраилась неточность, которая, перекочевала затем и в капитальные исследования о Врубеле. Впрочем, из текста воспоминаний можно понять, что сама Анна Александровна только слышала об этой копии и видела прекрасные рисунки брата.

Многое объясняет небольшое объявление, напечатанное в газете «Саратовский справочный листок» 5 ноября 1865 года: «Имею честь уведомить почтеннейшую публику, что копия со знаменитой около 500 лет, всемирно известной колоссальной картины, изображающей второе пришествие Христа спасителя, писанной знаменитым художником Ван Эйком, выставлена на Никольской улице, в новом доме при лютеранской церкви, напротив консистории». Другое название картины — «Страшный суд». Речь идет о копии, выполненной известным в то время художником Зии с огромного триптиха, украшавшего кафедральный собор св. Марии в городе Данциге (Гданьске). «Ничем не уступающая оригиналу» огромная копия с коммерческой целью экспонировалась в городах Европы, побывала в Москве и Петербурге. В Саратов она была привезена в октябре и пробыла здесь до конца 1865 года.

Неприметный двухэтажный дом, в котором была выставлена картина и в котором дважды побывал девятилетний Врубель, до недавнего времени стоял на улице Радищева, рядом со старым корпусом сельскохозяйственного института. В начале семидесятых годов на месте этого дома выросло новое здание института.

Неподалеку от него находится художественный музей имени А. Н. Радищева, отпраздновавший недавно свое столетие. В его постоянной экспозиции есть небольшой эскиз Врубеля — «Муза». Еще несколько графических работ художника хранится в запасниках музея и нередко экспонируется на выставках. Но далеко не все саратовцы знают, что удивительная врубелевская керамика украшала некогда интерьеры дома на углу современных улиц Горького и Яблочкива (улица Горького, 37). В этом здании 2 декабря 1911 года был открыт кинематограф со сказочным названием «Мурава». Открытие было торжественным: «...собралось около 1000 человек, преимущественно интеллигентной публики, в том числе: архитекторы, художники, директор Боголюбовского училища г. Боев, представители печати».

Специально приглашенный из Москвы архитектор-художник Н. Н. Дивов почти не изменил существовавших ранее фасадов. Лишь со стороны современной улицы Горького появился «разработанный в духе старых сузальских палат» парадный вход с низкими дверями, украшенными чеканными орнаментами. Внутреннее же убранство здания «в старом русском стиле конца XVI — начала XVII века» (а по сути, в национально-романтическом варианте стиля модерн — неорусском стиле) поражало воображение современников. Чего только здесь не было! Ткань и парча на стенах, тяжелая мебель «темного дуба», сработанная в московской Студии художественной индустрии, расписной узорчатый потолок, декоративные панно на сказочные темы талантливого художника К. Д. Козицына, кованые, «стильного рисунка» решетки. Но главное — в углу терема-фойе, сверкая и переливаясь невиданными красками, стояла «изразцовая печь с рельефами и рисунками Врубеля и Коровина работы (мастерской) С. И. Мамонтова».

В свое время многие саратовцы видели врубелевскую печь — после революции кинематограф стал рабочим клубом с прежним названием «Мурава», а в 1925 году — кинотеатром «Красный строитель». Можно только сожалеть, что печь, как и все редкостное убранство интерьеров, не сохранилась до наших дней. Специалисты считают, что в знаменитой Абрамцевской мастерской С. И. Мамонтова Врубелем было создано около двадцати печей и каминов, сохранились же считанные единицы.

С именем Врубеля связано еще два места в нашем городе. Семья художника регулярно бывала в небольшом деревянном католическом соборе, переделанном из жилого дома. В 1880 году на его месте было построено новое каменное здание собора, уже в советское время реконструированное под хорошо известный всем саратовцам кинотеатр «Пионер». Неподалеку от этого места, в доме Столярева, жил учитель Врубеля Н. А. Песков. Точного адреса дома установить не удалось. Известно только, что он стоял (а может быть, и ныне стоит) на солнечной стороне современного проспекта Кирова (бывшая Немецкая улица), между улицами М. Горького и Братиславской.

Весной 1867 года Врубели покинули наш город. Саратовские годы по-своему важны и знаменательны в биографии художника — ведь на них пришлось формирование характера юного Врубеля. Не прошли для него даром уроки саратовских учителей, не забылись музыкальные вечера, Московская площадь и холмистые окрестности города, на два с половиной года ставшего домом будущему замечательному художнику.